

A photograph of a stone bridge over a canal in a city. The bridge has a stone railing and a central archway. In the background, there are multi-story buildings with many windows and a traffic light. The scene is captured in a slightly high-angle perspective. Handwritten text in white is overlaid on the image. A large title is at the top, and a smaller note with an arrow is in the middle. The author's name is at the bottom.

Великий тироль

Здесь живет
троту

Людия Батори

Лидия Батори

Великий тролль

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70490125

SelfPub; 2024

Аннотация

Есть в Петербурге старинный мост – Каменный и под ним живет самый настоящий тролль и собирает дань за проход по нему. Но вот незадача – троллю больше не нравится то, что он делает, потому что он выясняет, что он – художник.

Лидия Батори

Великий тролль

Если начинать путь от Театрального моста и продвигаться вниз по течению канала Грибоедова, то пятый мост будет Каменным. Мостик сам по себе небольшой и не особо примечательный. Его не охраняют грифоны, как Банковский и он не такой воздушный и зеленый как Мучной, но чуть-чуть симпатичнее, чем Демидов мост. А еще под ним живет настоящий тролль. Его зовут Ёен. По троллиным меркам довольно молод – ему не хватает буквально чуть-чуть до первого века. Известно, что мост троллю достается в двух случаях – если он сам его построил или по наследству. Ёену достался по наследству. Его отец – большой и злой тролль, когда воды канала принесли ему Ёена, так разозлился, что чуть не сломал свой дом, а после этого отказался от своего улова и уплыл по подземным рекам в финский залив. Место для того, чтобы окаменеть на век он выбрал специально поближе к берегу, но так, чтобы полностью остаться под водой, так пловцы бились бы об него ногами. Настолько злым был отец тролля.

Но Ёен не остался в одиночестве и не рос как трава, его вырастил водяной дедушка. Водяной выглядел как старик, причем он никогда не был молодым, его глаза настолько сильно выступали из глазниц, что казалось, еще чуть-чуть

и они выпадут. Внешне он похож на человека, но в любой недобрый момент он может превратиться во что угодно – от свиньи до бревна.

Как-то водяной шел по своим делам по каналу Грибоедова и услышал как кто-то громко плакал под мостом. Это был маленький Ёен. Водяного это, конечно, разозлило и заинтересовало. Где это видано, чтобы в его водах кто-то плакал. Дед нырнул под мост, чтобы сожрать это орущее существо. Водяной царь тщательно охранял свое царство от маленьких человеков. Но Ёен увидел разъяренного водяного и засмеялся. Потянул к нему ручки, потому что большого и злого он принял за своего отца. Дед вздрогнул, но принял, что малой его не боится и захлопал в ладоши. Так они вдвоем и прожили все время под мостом, пока Ёен не стал взрослым троллем и водяному не стало тесно рядом с ним. Тогда дед выругался в последний раз, обнял своего приемыша и ушел в свой дворец на дне финского залива. Тогда Ёен понял, что всех его отцов тянет поближе к Балтийскому морю.

Тролль остался один и занялся своей троллиной работой – сбором дани за проход по мосту. До этого он тоже занимался этим, но как будто не официально, просто собирал монетки с дна канала и складировал дома. Еще он помогал деду в его делах и много играл. Но только водяной ушел, чайки сразу донесли Великому Троллю, что Ёен теперь взрослый тролль. Ёену, конечно, тоже сказали, что на него донесли. Те же чайки. Ёен почему-то ждал, что Великий Тролль при-

дет к нему или хотя бы позовет к себе, но никто не пришел. Только чрезмерно крупная щука принесла мешок для сбора монет. .

Бен начал работать. Он организовал себе каморку для складирования монет и дополнительные приспособления. Палку-дубину, чтобы стучать по внутренней части моста и страшать тех, кто зажал за проход, палку-собиралку, чтобы подгребать к себе монеты со дна канала. Раньше за ними приходилось плавать, но Бен стал слишком большим для этого, хотя по меркам троллей он, конечно, довольно миниатюрный – всего два с половиной метра в высоту и метр в ширину. Но для людей все равно устрашающий. Он начал работу с рассветом и заканчивал с закатом. Те, что проходили во время его отдыха благодаря магии теряли несколько монет, которые Бен с утра собирал со дна канала. Даже с приходом современных технологий в виде банковских карт в работе тролля ничего не поменялось. Магии все равно откуда брать свои монетки – буквально из кармана или с карты. Бен понял, что люди перестали носить деньги в карманах только по тому, что к нему в канал стали попадать не только рубли, но и другие валюты. Он начал собирать коллекцию. Конечно, тайно. Он должен быть сдавать Великому Троллю все монеты, которые собирал за месяц, но ему стало так жалко отдавать первую «другую» монетку, что он спрятал ее в карман, потом спрятал еще одну, потом еще и еще, пока место в кармане не закончилось. Тогда ему пришлось

вылезти из-под моста и пойти на поиски какого-нибудь кармана побольше.

Стоит сказать, что тролли, если не брать в расчет то, что они живут под мостами, а лучшие из них живут под виадуками, похожи на людей, просто очень больших и неопрятных. У них большие носы и длинные волосы. Ёен еще отличался от остальных троллей тем, что заплетал свои волосы в косы, чтобы они не мешали ему. Он любил вылезти из-под моста и просто постоять на набережной, посмотреть на мир вокруг. В основном его интересовало небо. Из-под моста его плохо видно. Одеваются тролли они во что попало, но, к счастью, для них в последнее время в моде многослойность в одежде, поэтому люди практически не обращают на них внимания. Только те, которым интересны тролли.

Ёен быстро нашел подходящий мешок для новеньких монет в ближайшем от его моста дворе-колодце. Он уже хотел уходить, но посмотрел вверх и увидел небо. «Как странно» – подумал он, – «Люди каждый день могут смотреть на небо, а почему-то строят дома так, чтобы смотреть в соседские окна». Он отряхнулся от мысли о людях и поспешил покинуть двор, пока никого не встретил, но не успел. Повернулся и увидел, что на него смотрит небольшая девочка. Сколько ей лет Ёен не понял, но понял, что она знает, что он тролль.

Девочка начала обходить тролля по кругу. Ёен замер и старался не смотреть на нее, но все-таки заметил, что она

принюхивается. Ёен мало знал про людей, кроме того, что у них есть деньги. Раньше у него не было необходимости даже думать о них. Поэтому он не знал, что ждать от девочки. «Может они уже придумали блюдо из троллей?» – вдруг с ужасом подумал Ёен и дернулся от девчонки, которая потянулась к его руке.

– Ты тролль! – девочка все еще обходила Ёен по кругу, рассматривая его. – Я Лиса. И я знаю, что нельзя называть троллям своего настоящего имени и жать ему руку!

– Это про норвежских троллей, нашим можно – пробормотал Ёен. Теперь и он начал рассматривать Лису. Она выглядела как разбойница. Цветная одежда, растрепанные волосы, царапина на лице. «Поскорее бы под мост» – подумал Ёен. Но девчонка не отставала, а только забрасывала смущенного Ёена вопросами.

– Расскажи мне все! Что ты ешь? Где берешь одежду? А правда, что тролль может один махом съесть целую лошадь? Получается тролли очень быстрые раз могут догнать лошадь? – Ёен отошел к стене, чтобы маленькая бестия хотя бы не мельтешила перед глазами. – А где ты живешь? Под мостом?

– Ем еду – со вздохом ответил Ёен. Он не знал как ответить про одежду. Она просто появлялась. То ее приносили воды канала, то она висела на перилах. Пока Ёен думал о том, что сказать про одежду ему пришло понимание, как избавиться от девчонки – нужно просто продолжать отвечать

на ее вопросы. – Лошадь съесть не могу, но на одну маленькую девочку меня хватит.

Для достоверности Ёен издал рык. Вышло жалко, его отец бы долго смеялся, а дед бы долго чесал затылок и вздыхал, но для Лисы этого было даже слишком. Она испуганно сделала шаг назад, оступилась и упала, а уже сидя на асфальте заплакала. Тут Ёен испугался еще сильнее чем прежде.

– Эй, да успокойся. Не едим мы людей, они жесткие. – от этих слов Лиса разрыдалась еще сильнее, будто обиделась на то, что люди не вкусные. – да и лошадей не едим. Рыбу вот да. Рыбу ем. Что ты еще спрашивала? Где я живу? Под мостом, тут недалеко.

– Недалеко? – Лиса тут же перестала плакать, твердой рукой вытерла лицо и поднялась с земли – А покажи.

Ёен вспоминал, если ли какой троллиный закон запрещающий показывать людям мост, под которым живет тролль, но вспомнил только то, что у троллей нет законов.

Не тратя время на разговоры, тролль пошел к выходу из двора. Лиса побежала за ним. Очень быстро они оказались у моста,. Ёен оглянулся на Лису и показал рукой на мост.

– Так близко! Я же его из окна вижу каждый день и никогда тебя не замечала. Почему? – Лиса посмотрела на Ёена. Он пожал плечами, а потом вспомнил. Магия. Она не даёт людям увидеть жилище тролля и тролля за работой. Тут бы он хотел рассказать девочке все, да не смог бы. Свои тайны магия защищала сама. И от чужих глаз, и от тупости знаю-

щих. – И даже в гости нельзя? Жалко, что нельзя. А расскажи чем ты там занимаешься целыми днями?

– Собираю дань за проход по мосту – Ёен с таким удивлением посмотрел на Лису, как можно было знать про троллей и пожатие руки и не знать, чем занимается тролль под мостом.

– Ааа – разочаровано протянула Лиса, – а я думала тролли занимаются чем-то интересным, а ты как взрослые, живешь на работе.

– Что такое работа? – Ёен считал себя довольно образованным троллем, дед постарался. Тролль знал всех рыб в каналах и тех, что обитают в море, знал множество животных, он даже умел читать. Но вот какая-то человеческая девочка поставила его в тупик одним единственным словом.

– Работа? Это что-то скучное. Мне мама всегда говорит, что если я буду плохо учиться, то буду работать кассиром. Думаю это плохо. – Ёен вопросительно посмотрел на Лису. – Кассир – это такой человек на кассе магазина. В общем, приходишь в магазин, берешь классные или вкусные вещи и отдаешь за них деньги кассиру. Похоже на тебя под мостом. Только ты за проход берешь.

– Ясно. – Ёен не мало что понял, но его это задело. Ему нужно подумать об этом в одиночестве – мне пора.

Не дожидаясь ответа, Ёен прыгнул в канал. Он мог бы спуститься туда аккуратно, не привлекая к себе лишнего внимания, но любил эпатировать. Иногда он подолгу наблю-

дал из-под моста, как люди высматривали, когда же тролль наконец-то выплывет, но естественно не дожидались. Сейчас у него была только одна зрительница, которая еще несколько часов маячила на набережной, своим видом не давая Ёну забыть о своих словах. И он думал о них. Тролль понял, что у него нет дела, а есть работа и она плохая. Он чувствовал, как некое неизведанное чувство поднимается от живота к горлу. Ён практически окаменел. Он сидел под своим мостом и взглядом провожал монетки, которые именно сегодня падали так часто. Мешок этот еще дурацкий, под другие монетки. Он было бросил его в течение, но спохватился, что мешок то не виноват в том, что он чувствует. К тому же, действительно дома стоило убраться. Там везде, где можно и нельзя лежали монеты, даже в подушке. Хотя в подушке, как известно должны быть только водоросли.

Ён мял мешок и думал о том, что у него не просто работа, а скучная работа. Слово скучно он знал не понаслышке. Дед постоянно кричал, что ему скучно сидеть с маленьким Ёном, пока в его царстве черт знает что происходит, а черт то и не знает, потому что сидит нянькой у тролля.

Еще тролль знал слово любовь. И в первый раз в своей жизни он задумался о том любит ли он то, чем занимается. Он сравнил свои ощущения от сбора монет с тем чувством, которое у него появляется, когда он смотрит на небо и понял, что они не просто разные – они диаметрально противоположные.

– Как так получилось? – спрашивал он себя – почему я не понял раньше, что не люблю это?

А монетки, как на зло продолжали падать. Ён чувствовал пустоту внутри. Она засасывала его. К его глазам подступили слезы. А можно ли было по-другому? У него как будто бы не было выбора. Он всю жизнь делал то, что умел и умел, то что делал. Он никогда раньше не задумывался об этом, но разве такой подход не означает, что он любит то, что он делает? Разве с умением и мастерством не должна приходиться любовь? Оказалось, что нет. Оказалось, что даже если ты самый умелый Ён из всех троллей и твое сидение под мостом ставят в пример остальным, то ты можешь не любить это.

Ён тяжело вздохнул и опустил под воду. По каналу побежали крупные пузыри его тоски. Он смотрел на свой мост, под которым он провел всю жизнь, а руки его, привычными движениями, собирали монетки.

Ён думал. Если бы у него был выбор: сидеть всю жизнь под мостом или делать то, что он любит? Ответ пришел мгновенно – конечно, то что он любит. Правда он пока не знает, что это.

Может быть он любит петь? Дед рассказывал про одну голосистую кикимору, иногда как завоет, так душа в пятки уходит и так хорошо становится, так свободно. Дед все обещал их познакомить, но нужно было идти далеко в болота. Сначала Ён был слишком маленький для такого путешествия, а потом дед ушел в свое царство, вместе со знанием о

том, где тетка-кикимора живет.

Ну, воспоминанием о кикиморе делу не поможешь. Просто так ответ на вопрос не находится. Значит нужно попробовать. Ёен открыл рот и набрал воздуха в легкие, только он забыл, что так и сидит под водой, поэтому в легкие залился минимум стакан воды. Ёен закашлялся и вынырнул. Когда он отплевался, он попробовал еще раз спеть. Снова глубоко вдохнул и замер с открытым ртом. Он не знал ни одной песни. А как тогда проверить, что он любит петь? Опять вспомнилась тетка, она кажется тоже ни одной песни не знала, но пела же? Пела! И Ёен запел. Он издавал настолько ужасные звуки, что голуби, которые любили прилетать на крыши домов, соседствующих с троллевым мостом, навсегда забыли дорогу в этот район. Люди проходящие по мосту в этот момент, вздрагивали, но не понимали от чего.

Ёен сразу понял, что петь он не любит, но чтобы убедиться протянул ноту еще пару секунд. И сразу оборвал, как только услышал, что сверху начали сталкиваться машины. Все-таки пение не мое понял Ёен. Нужно искать другое дело.

Может танцы? Ёен попытался вспомнить если ли среди множества историй, которые рассказывал дед, какие-нибудь о танцующих. Таких не было, но в голове всплыла легенда о тролле, который своим танцем разрушил не только свой мост, но и целый город. Его так захватила музыка, что он забылся и закружился, круша все на своем пути. А когда опомнился, то уже ничего не осталось. Ёен сразу отбросил и тан-

цы, и музыку. Ему слишком нравился город, в котором он живет. К тому же, он не был настолько большим, чтобы прям разрушить. Бился бы об стены и вызывал скорее смех, чем ужас. А быть посмешищем Ёну не хотелось.

А что тогда остается? Музыка – мимо, танцы туда же, с пением не получилось. Ён снова опустил голову под воду и пустил ряд пузырей по каналу. И тут он понял, что еще не попробовал – рисование. Дед обожал рисовать. Он был настоящим художником. Из опавшей в воду листвы он рисовал лица. На дне из водорослей рисовал пейзажи, которые тут же уносило течением. Но те мгновения, когда картина собиралась в единое целое были прекрасны и Ён хранил их в своей памяти. Надо попробовать и это, понял тролль, но как? Он не водяной царь, у него нет такой силы над водой, чтобы заставить ее замереть на мгновение. Зато у него есть простая физическая сила. Он решил, что ночью, выйдет из-под моста, найдет место по свободнее и попробует нарисовать свою первую картину.

Ночью тролль вылез из-под моста. Он пошел прямо и направо. Почему? Кто знает. Ён быстро вышел на какую-то площадь. Осмотрелся. Он сразу заметил небольшое здание с каменной лестницей. Ён подошел и понял, что сверху лестница облицована камнем. То что надо. Вот уж что-что, а камень – это стихия троллей. Ведь они сами приходят от камней. Кто-то даже от драгоценных, но таких уже не оста-

лось в мире. Слишком они ценными для человечества оказались.

Почти всю ночь Ёен отрывал плитки от лестницы, крошил их и творил. И когда он почти уже закончил – материал закончился. Ёен оглянулся и заметил деревья. «Лучше и не придумать» – подумал тролль и пошел вырывать их. Еще через полчаса картина была закончена. Ёен влез на столб и оглядел свое произведение. С площади на него смотрела Лиса. А Ёен понял, что нашел себя. Он художник.

Он еще раз внимательно оглядел свое произведение, слез со столба и пошел к себе под мост. То что он чувствовал невозможно было описать. Это как будто прожить всю жизнь в темноте, прожить не родившись, а родиться только тогда, когда нашел свое дело.

«Интересно, оценит ли кто-нибудь?» – думал он. И понял, что очень хотелось бы. Чтобы Лиса увидела. Чтобы дед посмотрел и похвалил. Но Ёен не знал никакого способа сохранять свои произведения. Никак не мог придумать, как их зафиксировать в моменте. И еще раз вспомнил о Лисе, может стоит спросить у нее. На этих мыслях он уснул.

А город гудел. Первые ранние пташки, которым нужно было в метро к открытию очень удивились увидев, что какой-то вандал разворотил всю лестницу и вырвал все деревья. Но нашелся тот, кто разглядел в хаосе на брусчатке чье-то лицо. Кто-то из ближайших домов тоже вставал рано и успел сфотографировать чье-то творение, сложенное из гра-

нита. Город узнал о новом художнике, пока новый художник даже не догадывался о возможностях города.

Бен проснулся счастливым. Перед его глазами все еще стояла его картина. То, как изящно он подчеркнул нос Лисы заставляло его гордиться собой и он гордился. Бен задумался, что и главное где, он еще может нарисовать. Может деда? Но дед фундаментален, для его портрета нужно место побольше. Бен решил, что в следующий раз он основательно подготовится. Пройдется по городу, поищет место и материалы. В тот раз решение рисовать Лису пришло спонтанно и Бен решил, что это лучше всего. Когда картина сама приходит к нему, а не когда он ее разыскивает. Может ему наконец-то присматриваться к тем, у кого он берет деньги для дани. Дань. Бен подскочил. Все его вдохновенное настроение тут же смыло. Горечь накрыла его. Нужно собирать монеты. Он слишком долго спал и теперь придется ползать по дну канала, а еще успевать ловить те, что падают. Скоро уже придет день, в который приплывает щука за мешком с монетами. Нельзя сдавать его пустым.

Бен еще секундочку повспоминал то, как он рисовал и, тяжело вздохнув, выполз из своего дома в канал. Как он и ожидал, сегодня его мост пользовался большой популярностью. Но Бен даже не подозревал, что он и стал тому причиной. Жители города стягивались к Сенной площади, чтобы посмотреть на творчество ночного вандала-художника, пока

власти не привели площадь в порядок.

Но Ёен этого не знал. Он чувствовал свое несчастье, оттого, что ему приходится разрываться между ловлей монет и сбором их со дна и одновременно с этим чувствовал свое счастье, от того, что теперь он знает, что любит. Он нашел ритм в работе и ударился в размышления о том, какие еще материалы он может использовать. Штукатурку с домов? Воду? Песок? Дед иногда просил рыб собираться в стайки и управлял ими, создавая свои картины. Но Ёен тролль, его природа камень. Он наверное может даже управлять ими, но камни медлительны и неповоротливы. На создание из них картины при помощи магии могут уйти столетия. А Ёен хотел быстрого результата.

В одно из выныривающий Ёен заметил, что на набережной стоит Лиса и пристально смотрит под его мост. Ёен замер, но потом вспомнил, что она его не видит. Он было решил, что не выплывет к ней. Но потом понял, что после прошлой ночи они стали ближе. Все-таки она его первая муза, она его первая картина. И он хотел похвастаться.

Ёен ступил на набережную, чем очень сильно напугал Лису. Она так вздрогнула, что сделала шаг назад и чуть не попала под машину, но тролль успел ее подхватить.

– Откуда? – Лиса ошалело смотрел на него. Для нее он просто возник рядом с ней. Ёен знал ответ, но просто пожал плечами. Дело, конечно, в магии. Она распространяется на весь канал и перестает действовать за его пределами. И воз-

можно, если отплыть слишком далеко от моста, но Ёен никогда не проверял насколько далеко вообще можно отплыть от моста. Ёен молчал, но Лиса догадалась сама. – Наверное, это твоя какая-то троллиная магия. Но я пришла не за этим. Ты зачем нарисовал меня? Меня мама отругала мне всех. Будто бы я кого-то подговорила сломать эту лестницу. А я не подговаривала!

Лиса ткнула пальцем в грудь троллю, он аккуратно отвел ее палец и на всякий случай проверил цела ли грудь. Тролль местами был каменный и поэтому не всегда мог с точностью сказать все ли его части на месте. В этом случае он доверял глазам и рукам.

– Я художник. – просто ответил Ёен на претензию Лисы. – Откуда ты знаешь, что я тебя нарисовал?

– Все знают. Весь город уже, наверное, видел мой портрет. А нос такой огромный зачем? – Ёен не знал, что ответить. Он был шокирован тем, что сказала Лиса. Как весь город? Он надеялся на то, что его картину увидит несколько человек, но чтобы все. Нет, это слишком. Картина не была идеальна. Времени было мало, опыта нет совсем. Неужели он насколько талантлив, что все бросили свои дела и сбежались смотреть на его искусство?

– Все? Все пришли и посмотрели?

– Да, никто никуда не ходил. Видели в интернете. Как моя мама, например. А, ты не знаешь, что такое интернет. Смотри. – Лиса достала телефон и быстро-быстро потыкав в него

пальцами, показала Ёну его картину. Троль оторопел, кто-то перерисовал его картину и засунул ее в эту маленькую коробочку. Он попытался вырвать телефон из рук Лисы, но она не далась. Троль начал кричать и топать. По стене ближайшего дома пошла маленькая трещина. Лиса отбежала подальше и оттуда прокричала, что никто не украл его картину, это фотография, а фотография не воровство. Но Ён не успокаивался. Тогда Лиса сделала единственное, что ей показалось правильным. Сфотографировала тролля и показала ему. Так Ён впервые узнал, как он выглядит. «Какой кошмар» – подумал Ён и прыгнул обратно в свой канал.

Несколько дней Ён провел в раздумьях о своей внешности. Что говорить – он троль. У троллей своеобразная внешность. Но он никогда не думал, что он настолько страшный. Конечно, есть и страшнее. Быть страшным троллем – это вообще-то даже повод для гордости. Ён задумался о том достаточно ли он ужасный, чтобы этим гордиться или он и тут проиграл. И тут он понял, что знает какую следующую картину он нарисует. Это будет автопортрет. Нужно только взять у Лисы ту штучку, в которой его фотография, а то он так испугался себя, что плохо запомнил.

После того, как он понял, что будет рисовать дальше он воспрял. Он продолжал собирать монеты, но все чаще смотрел не на мост, а на набережную, где в прошлый раз стояла Лиса. Но она не появлялась. Прошел день. Потом еще один. Иногда на набережной стояли люди, Ён с новым интересом

разглядывал их. Какие они разные. Раньше он этого никогда не замечал. Рост, лица, даже руки, насколько он мог видеть, у всех были разные. Он пробовал выкладывать из монет их лица, но понял, что не хочет слияния этих двух сфер своей жизни. Пачкать монетами свое признание он посчитал неправильным, поэтому попробовав раз сразу перестал.

Когда и через семь дней Лиса не появилась, Ёен решил идти ее искать. Он помнил, что она говорила, что из окна видит его мост, значит Лиса где-то рядом. Ёен вылез на набережную. Конечно, он напугал, какого-то мужчину, который проходил мимо, но его это мало беспокоило. Ёен направился напрямиком в тот двор, в котором встретил Лису, но ее там не оказалось. Троль не растерялся, перешел на другую сторону и зашел в другой двор. Но Лисы не оказалось и там. Все варианты у Ёена закончились и он вернулся на мост. На ту его часть, на которой никогда не был. Не под, а на. Ту точку, на которой троллиная магия забирает деньги у проходящих ее. «Интересно» – думал троль, – «я заплачу за проход?». И сам себе отвечал, что наверняка. Магия простая и сложная одновременно. Она берет точно столько сколько человек или любое другое существо не заметит, но не различает своего работника и не делает ему скидок.

Ёен стоял на мосту, облокотившись на перила, и смотрел на канал. Он выглядел так знакомо, но так странно неузнаваемо. Некоторые выемки на камне набережной отсюда совсем не видны, зато видно насколько далеко канал простирается.

Бен жалел только об одном, что давным-давно не вышел из своей каморки и не начал исследовать мир. Дед ему постоянно так говорил. Дед вообще не любил троллей, говорил, что они зациклены на деньгах и их бесконечных сборах, а мир огромный и интересный. Бен водяному тогда не поверил. Все его естество кричало о том, что мир за пределами моста опасен, а в людях интересно только то, что у них в кошельках.

Бен отвернулся от канала, встав к нему спиной и начал изучать новый ракурс. Так было хуже видно канал, но намного лучше видно город и его людей. Бен думал, что узнал насколько разнообразны люди, но только взглянув на них сейчас, понял, что он ничего не знает. Он только вошел во вкус изучения людей, как кто-то дернул его за рукав. Бен повернулся и увидел Лису.

– Ну, и что ты тут стоишь?

Лиса естественно не отдала Бену свой телефон, но распечатала для него фотографию и заламинировала ее, чтобы она не испортилась от воды. Она тайно сделала еще фотографий, на которых тролль выглядел не так ужасающе, как на первой. Еще Лиса рассказала Бену про краски. И он отдал ей всю свою коллекцию монет за то, чтобы она купила ему их.

Стоя на мосту Бен видел голую стену дома. Без окон, без дверей. Идеальный холст для его будущей картины. Может он даже какое-то время сможет и сам ей любоваться. Когда

Лиса принесла ему краски, он пообещал ей заранее ее предупредить когда пойдет рисовать, чтобы она успела сфотографировать его картину.

Бен испытывал смешанные чувства. С одной стороны, как только Лиса принесла ему краски, он хотел тут же все бросить и бежать рисовать. С другой стороны, ему было боязно. С камнем было как-то проще. Крошить и выкладывать. Краски же совсем другая история. Он пшикнул на воду и на мгновение вода окрасилась, но тут же пятно расплылось. А вот след на камне остался, кажется, навсегда. Бен боялся испортить свою картину, холст. Боялся, что у него не получится то, чего он хочет.

Его дни стали похожи друг на друга. Он собирал монетки и боялся начать рисовать. Каждый день он с утра говорил себе, что сегодня тот день, пора. И каждый вечер отвечал себе, что еще рано. Лиса приходила на набережную. Сначала он выплывал к ней каждый раз, но потом стал делать вид, что не замечает девочку. Ему было стыдно перед ней за то, что он не может решиться.

Одной ночью Бен долго лежал и смотрел перед собой не видя ничего и думал о том, как будет рисовать. Он понял, что не уснет и решил просто пройтись до той стены и посмотреть на нее. Прикинуть где и как можно будет разместить картину. Вылезая из-под моста, он взял краски с собой.

Стена была хорошая. Ровная. Белая. Бен подковырнул штукатурку в одном месте и понял, что если картина не

удастся, то он просто ее уничтожит. Пора. Вот что понял Ёен. Сегодня та самая ночь. Он не предупредил Лису, но она поймет. К тому же метку в установленном месте он все равно оставит.

И Ёен начал рисовать. Все страхи ушли. Руки будто сами двигались, сами знали какой цвет где должен лечь. Не нужен был даже референс. Ёен и так видел свою картину уже законченной, нужно было только проявить ее на стене. Чем он и занимался. Спустя несколько часов картина была закончена. Ёен смотрел на Ёена со стены.

Троль изучал себя довольно долго. Нос. Глаза. Уши. Лиса сфотографировала его, когда он изучал людей на мосту. На фотографии у него был мечтательный вид, немного с безуминкой творца и ярким интересом ко всему происходящему вокруг. Все это читалось в глазах и Ёен смог перенести это на свою картину. Теперь с дома на набережной канала на людей взирал троль в сине-зеленой гамме. Ёен был доволен результатом. «Хорошая работа» – подумал он и побрел на свою, еще чуть-чуть и ненавистную, настоящую работу. Сегодня особый день. Сегодня проплывает щука.

Полдня Ёен старательно работал. Он плохо собирал дань весь последний месяц, потому что был занят мыслями о рисовании и рисованием, а сегодня он пытался добрать недостающее. Как назло людей было мало. Он все равно бы не смог это осуществить, даже пара дней форы его бы не спасла. Ёен не знал что ему будет за плохо сделанную работу.

Могут ли его уволить? Было бы славно.

Щука приплыла вовремя. Она взяла полупустой мешок и вопрошающе посмотрела на Ёна. Он пожал плечами, мол, сколько людей было, столько и собрал. Щука нырнула обратно в канал, обкатив тролля водой. Ён понял, что она ему не поверила. Она знает, что он обманщик. Он плохо работает. И хуже всего, что Ён не знал, чем для него это может обернуться. Он ни разу не слышал историй о том, чтобы тролль переставал собирать дань, потому что ему это не нравится. Или что его увольняли. Тролль теряет мост в двух случаях: окаменение, что фактически смерть или разрушение моста, что тоже смерть. Ёну срочно нужен был совет. Никто кроме деда не мог ему помочь. Значит следовало позвать водяного черта. Найдя это решение, Ён успокоился. Дед не подведет. Он всегда знает, как помочь. Ён подозвал стайку мелких рыбок и попросил их передать речному черту, что тролль просит его прийти.

– Понятия не имею! – вот что ответил дед, когда Ён спросил его как ему уйти с работы, которая не приносит ему удовольствия. – Ты же тролль. У тебя в крови собирать дань. Я помню в детстве у тебя любимые игрушки были – три монеты. И вот ты их туда-сюда перекладывал. А если не это то, что? Кхм, художником? Интересно.

Ён не говоря не слова вышел из-под моста и поплыл к набережной. Он не будет ничего деду доказывать, он просто покажет. Если картина еще на месте, конечно. Дед на-

мек понял и поплыл за троллем. Они вылезли на набережную и неспешно пошли. Оба молчали. Они так делали с самого детства Ёна – мало разговаривали, но при этом были самыми близкими друг другу существами на всей земле. Водяной никогда не думал, что сможет так сильно привязаться не просто к кому-то, а к троллю, который достался ему случайно. Но это произошло. А Ён просто не знал другого отца.

Наконец они дошли до стены-холста, на которой все еще был нарисован автопортрет тролля. Ён посмотрел на деда и кивком показал на стену.

Они стояли у этой стены очень долго. Дед смотрел на картину. Ён смотрел на картину и иногда на деда. Пауза настолько затянулась, что тролль начал переживать о том, что дед просто подбирает слова, чтобы сказать, что Ён бездарность. Хотя это не в духе деда, но может он в разлуке подобрел. Но тут дед кивнул и отправился обратно к мосту. Ён пошел за ним. Шли снова молча. У моста дед повернулся к Ёну и сказал:

– Я тебе помогу.

Дед ушел и от него не было вестей. Ён не переживал. Дед дал слово, дед обратно слова не забирает. Жалко только водяной не сказал больше ничего. Ён пытался придумать, как дед ему поможет, но варианты никак не находились. И тролль тогда просто отдался течению. Так водяной черт ему

всегда говорил – если не можешь ничего придумать, то дай реке решить за тебя.

Так Ёен и поступил. Продолжил работать. Думать о том, что еще он может нарисовать. Периодически видеться с Лисой. Иногда он приносил ей другие монеты, чтобы она покупала ему материалы для рисования. Пока что он не знал, что будет рисовать и где, и когда, но рассматривать, что Лиса покупала для него ему нравилось.

Один раз она принесла блокнот и карандаш. Взять их себе Ёен не мог по вполне понятным причинам, но рисовать прямо на набережной – мог. Чем тролль и занимался. Он рисовал Лису, прохожих, иногда свой мост. У них с девочкой началась настоящая дружба. Они обсуждали уже не только рисование, но и радости с горестями. Ёен даже познакомился с ее мамой. Женщина была в ужасе, когда узнала, что ее дочь дружит с троллем, но познакомившись с ним поближе и поняв, что единственная его страсть – это рисование, успокоилась.

Прошло уже несколько месяцев с момента, как дед покинул Ёена. И если первые недели тролль с нетерпением ждал вестей от водяного, то сейчас он существовал на грани надежды и разочарования. В какой-то день он больше склонялся к тому, что дед его обманул. В другой считал, что дело просто сложное и непонятное, и нельзя его решить за пять минут. Но однажды настал день, когда Ёен понял, что дед не придет. Он думал, что его мир рухнет, когда он разочаруется

в своем отце, но мир остался стоять.

Время шло. Разочарование Ёна, сначала такое сильное, сходило на нет. Он уже не злился, он практически не вспоминал. Но даже так у него оставалась надежда. Немного, но иногда перед сном он думал: «а вдруг», но тут же обрывал себя и не давал даже немного развить эту мысль. Правда в том, что ничего не будет. Он продолжит собирать дань и ежемесячно сдавать ее щуке, чтобы она отвезла их Великому Троллю, а Ён будет урывать немного времени для того, чтобы заняться тем, что он любит. В общем-то не самый плохой расклад. Как минимум он знает, что он любит и это делает его жизнь лучше.

Как-то раз Ён не смог вылезти на набережную, потому что его ноги стали слишком тяжелыми. «Каменею» – понял он. У троллей так принято. Если сильно грустить, то превратишься в камень. Лиса в тот день прождала его напрасно. Он так и не смог перебороть свою природу. И на следующий день. И через день. На четвертый Ёну стало тяжело поднимать руки. И он с ужасом понял, что если они окаменеют, то он никогда не сможет рисовать. То что он никогда не сможет больше ничего его не пугало так, как невозможность творить. И этот ужас придал ему сил.

Сначала он разработал руки. Потом он начал ходить по каналу туда-сюда, по течению и против него, пытаясь разработать ноги. Придумали тоже. Нельзя каменеть, его великая картина еще не нарисована. Мир его еще не знает. Он совсем

перестал собирать дань. К черту эту работу. Она убивает его – буквально и метафорически.

Правая нога стала слушаться его лучше, но левая так и осталась почти неподвижной. «Плевать» – думал Ёен, – «Лишь бы успеть, лишь бы смог нарисовать последнюю картину. Свой шедевр».

Он подплыл к набережной. Пробовать было страшно. Вдруг он снова не сможет. Если так, то нет смысла бороться. Он просто ляжет на дно и останется тут навсегда. Ёен постоял и посомневался в себе, но все-таки решил попробовать. Оно того так или иначе стоит. Он немного подпрыгнул и схватился за край набережной. Правой ногой уперся в гранит, а левая так и осталась висеть каменной плетью. Он думал, что сдастся, но когда он смог подтянуть себя буквально на пару сантиметров, то в нем закипела жизнь. Главное вылезти, а там уже будет легче. Спустя несколько бесконечных минут страданий, Ёен смог перевалиться через перила. Он упал на тротуар и долго лежал, пытаясь отдышаться. Когда Ёен понял, что у него все получилось, он засмеялся.

Было еще слишком рано до их установленного времени встречи с Лисой, да, тролль и не знал, приходит ли она теперь, после стольких дней игнорирования. Ёен решил пройтись. Он шел подволакивая за собой ногу и просто смотрел на мир. Его все еще обуревала тоска. Тролль существовал в двух ипостасях. Одна хотела жить, хотела творить, бросить мост и никогда больше не подходить к нему. Другая наобо-

рот – вернуться под мост, сесть поудобнее и стать камнем.

Разрываясь между этими двумя желаниями, Ёен вышел на перекресток и понял, что это идеальное место для его последнего творческого рывка. Ровное. Большое. Пустое. Здесь его канал пересекает широкий проспект, образуя настолько большой мост, что мало кто догадывается о том, что это – технически все-таки мост.

Решено. Осталось дожждаться ночи и найти Лису, чтобы забрать у нее краски. Тролль пошел обратно, так быстро, насколько он мог. Он боялся не успеть к Лисе, боялся, что она не увидит его и уйдет. Если так произойдет, то будто бы все потеряет смысл. Еще больше, чем до.

Так и произошло. Ёен увидел Лису, но поздно. Она заходила в подъезд. Он заметил ее слишком поздно, когда дверь уже закрывалась. Тролль закричал, но безуспешно. Дверь захлопнулась и Лиса скрылась за ней.

Ёен доковылял до своего моста и без сил сел на набережной. Смысла больше нет. Ничто его не спасет. Левая нога окаменела еще сильнее. Сейчас, сейчас. Он только немного посидит и упадет камнем в канал, чтобы навсегда остаться в его водах.

–Эй, старый, ты чего расселся тут? – Нет, это не может быть правдой. Лиса ушла и с ней его мечта нарисовать свой шедевр. – Давай, вставай. Я тебе краски твои принесла.

Краски. Какое знакомое слово. Но темная вода поднывавшаяся с глубин уже накрыла его с головой. Он тонул. Сквозь

толщу воды он слышал, как рядом кто-то ругался. Кричал про дуру каменную. Кричал про деньги. И про краски. Краски приятное слово. Он его любит. Этого не сможет изменить никакая черная вода. Черный хороший цвет. Он дает картинам объем. И им тоже можно рисовать позитивные картины. Вода отступала. Ёен еще не мог вздохнуть полной грудью, ее сдавливало будто бетонной плитой, но мог начать слушать то, что говорит ему Лиса.

– Смотри, дубина стоеросовая, купила тебе зеленый. Такой как тебе нравится. Золотой еще взяла, чтобы акценты делать. Красный взяла. Красивущий. А то у тебя все синий за зеленый. Одно болото. – Ёен смог повернуть голову и открыть глаза. – Во, правильно. Смотри, а то все пропустишь. Белого еще взяла. Ну, знаешь там, финальные штрихи делать. Так моя учительница говорит. Без штрихов этих все не то...

Лиса говорила и говорила, а Ёен все оживал и оживал. Даже левая нога, сдавшаяся первой, немного приходила в себя. Троль все больше верил в то, что ничего еще не конечно. Что есть еще что-то впереди.

Ёен до ночи просидел на набережной. Лиса сидела с ним до победного, ее маме пришлось выйти и забрать ее силой. Когда на небе появилась первая звезда, троль аккуратно встал. И вдруг резко испугался, а потом засмеялся. У него затекли ноги, но показалось будто они снова каменеют. Он

взял свой пакет с красками и двинулся в сторону своего холста. Ён не боялся, что его собьют, пока он рисует, потому что формально он был на мосту и в своем канале, поэтому магия защитит его.

Дойдя до места, Ён вышел в центр перекрестка реки и дороги. Отсюда он начнет рисовать. Это снова будет автопортрет, но не такого, как его видят остальные, а такого каким он себя чувствует. Запертым. Беспомощным. Пытающимся выбраться.

Ён немного постоял перед тем, как начать. Повздыхал ночной воздух. Посмотрел, как машины, ведомые магией, поворачивают на набережную, даже если им туда не нужно. Ён наслаждался ночью. Еще раз вздохнул. Пора.

Троль рисовал остервенело. Как в последний раз. Это и был для него последний раз. Так он чувствовал. Он агрессивно наносил мазки. Будто пытался через свое творчество вырвать из себя эту невозможность жить так как ему хочется. Эту беспомощность перед обстоятельствами. Когда Ён закончил, то даже не посмотрел на результат. Он был уверен – получилось хорошо. Так как надо.

– Ты очень талантлив, мальчик мой. – Ён повернулся на голос, хотя узнал его сразу.

– Ты бросил меня.

– Я оставил тебя, но не бросал. —водяной двинулся в сторону Каменного моста. Ён двинулся следом за ним. – Я не мог тебе помочь. С этим ты должен был справиться сам. Это

должно было быть твое решение – покинуть мост.

– Ты знаешь, я не могу покинуть мост. Тролль оставивший его станет камнем.

– Но ты покинул. Тролль привязанный к мосту не может отойти на него и на метр, а уж тем более так далеко, как ты. – Ёен остановился. Он не верил в то, что дед говорил.

– А как же Великий Тролль? Дань, которую я должен ему ежемесячно?

– Сын мой. – водяной черт остановился и посмотрел на Ёена. Дед долго молчал, перед тем, как сказать – Ты единственный тролль в городе.

Нет. Этого не может быть. Мысли Ёена метались от одной к другой. Врет ли дед? До этого дня водяной никогда не врал. Может ли это быть правдой? Теоретически да. Ёен никогда не видел других троллей, не слышал о других троллях. Ни намека не было за всю его жизнь, что он не один. Только щука. Щука! Она знает.

–Но щука знает...

– Смотрю вспомнил про щуку. Нет, она ничего не знает. Она просто служит Великому Троллю. А ты мучал бедную рыбу, гоняя ее каждый месяц с мешком денег. Постоянно на тебя жаловалась, мне жаловалась, тебе жаловалась, но ты не слушал.

Тут до Ёена наконец-то дошло. Если он единственный, то он и есть Великий Тролль. Тот самый, которого он так боялся всю жизнь. Чьего одобрения он ждал. Какая смешная

шутка. Ёен зарычал от досады.

– Понял наконец. Думаешь теперь небось почему, как. Расскажу. Батя твой был Великим, а от великих простые не рождаются. Не хотел тебе маленькому говорить, а теперь скажу. Твой отец так сильно сына захотел, что достал тебя из своего сердца. Но так велико было его желание, что ничего внутри не осталось. Злил ты его. Злило его, что пустота внутри осталась, а ты живешь. И любовь его вся в тебя ушла. Вот он и ушел. Видимо осталось крошечка какая-то, которая заискрила в последний момент и не дала придушить тебя маленьким.

Ёен молча смотрел на деда. Тот продолжал говорить ужасные вещи, но тролля они не трогали. Его отец – великий тролль, который дал ему жизнь. Вот и все. А Ёен со своей стороны сделает все, чтобы прожить ее правильно. Он больше не будет тратить время на то, чтобы собирать дань. Он больше не будет откладывать свою жизнь и свое настоящее дело ради того, чтобы делать что-то приходящее только разочарование. Ёен – тролль-художник. И с этого дня он будет жить творя.